

После составления гидрографического отчёта на основании телеграммы морского министра, директор маяков и лоций северного морского пути Котельников и гидрограф Сотников выехали в Иркутск. По пути они остановились в Томске. Котельников представил доклад министру торговли и промышленности Временного Сибирского правительства, а также вместе с директором института профессором В. В. Сапожниковым обсудили план проведения предстоящей экспедиции на 1920-й год. Необходимо отметить, что предыдущая экспедиция состоялась благодаря Котельникову, так как институту вовремя не были открыты кредиты и экспедиция Сапожникова «пришлось направиться на Север вместе с экспедицией Котельникова по маршруту Самарово, Берёзово и Обдорск». Всего экспедиция Сапожникова заняла 10 недель, из которых половину она провела в составе гидрографической экспедиции Котельникова.

Гидрограф Сотников 27 ноября, на заседании совета Института исследования Сибири, проходившем под председательством В. В. Сапожникова, сделал «отчёт о магнитных наблюдениях, произведённых Норильской экспедицией и о расходах по экспедиции». В постановлении отмечено: «отчёт принять к сведению. Добытые экспедицией научные материалы передать в географический отдел института». Как оказалось, тогда в последний раз Сотников увиделся с женой, четырёхлетним сынишкой и сестрой Екатериной, работавшей учительницей в томской гимназии.

Дальнейшие поиски информации привели меня к материалу Субботина Е. П. и Ситникова М. Г., в которых озвучено Постановление от 4 декабря 1929 г. «о привлечении Котельникова в качестве обвиняемого по делу об его антисоветской деятельности». Дмитрий Фёдорович пишет: «Прибыв туда, я пробыл около недели, пока собрал все мате-

У истоков Норильска

(окончание)

Дмитрий Фёдорович Котельников, 1919 год

риалы и имущество экспедиции и уже из Томска с некоторыми своими сотрудниками в двух товарных теплушках, вслед за отступающей армией Колчака двинулся по направлению Иркутска. На станции Ачинск, где мы вместе с теплушками застряли, в моё отсутствие произошёл взрыв подвижного состава, гружённого взрывчатым веществом, от которого погибли обе наши теплушки с имуществом и находившимися в них людьми (шесть или семь человек), после этого я случайным поездом добрался до Иннокентьевской. Я пешком дошёл до Иркутска и явился (16–18 февраля 1920 г.) в местный губвоенкомат, где определён на работу в комиссию Северного морского пути.

21 января в Иркутской губернии была свергнута власть белых. Политцентр передал её Иркутскому военно-революционному комитету, образованному большевиками и левыми эсерами. По его постановлению от 7 февраля был расстрелян верховный правитель России адми-

рал Колчак, вместе с премьер-министром Пепеляевым В. Н..

Сразу же были созданы органы ЧК — «самой страшной лаборатории революции», как сказал сибирский писатель Валерий Правдухин. Руководителями в своём большинстве были назначены работники, имевшие «немалый опыт красного террора в городах Европейской России, который с успехом был использован в Сибири».

В первые месяцы чрезвычайные органы проповедовали лояльную политику, обещая привлечь к ответственности только колчаковских «карателей» и «контрразведчиков», ориентируя гражданских и военных специалистов на участие в «творческой созидательной работе», проводимой новой властью. Однако на деле начались повальные аресты всех причастных к работе и службе в армии Колчака по всей Сибири. Уже через два месяца после взятия власти в томской тюрьме содержалось около 780 участников белого движения.

В конце февраля в Томске был арестован, без предъявления обвинения Н. Н. Урванцев, работавший в Сибгеолкоме и политехническом училище. Только вмешательство высших советских властных структур по телеграмме-приказу, направленной начальнику Главсевморпути Лаврову: «Найти Урванцева, освободить и послать на Север», Ново-Николаевская ГубЧК освободила его из томской тюрьмы.

Власть победивших большевиков в Иркутске представлял военный комиссар и председатель ревкома Я. Д. Янсон. В Совнархозе Котельников и Сотников «сделали доклад, получивший одобрение у сотрудников и председателя Сибревкома И. Н. Смирнова». Работы, проделанные Северной экспедицией и гидрографической партией, были признаны заслуживающими продолжения. С целью получения директив и средств «для скорейшей постановки дела на практическую основу Совнархоз решил командировать гидрографов в Омск, а затем в Москву».

Но, по доносу бывшего полковника царской армии, конфликтовавшего с Сотниковым ещё в Красноярском гарнизоне 26 февраля, Котельников и Сотников были арестованы. Здесь я сошлюсь на исследование Шекшеева А. П., написанное на материалах следствия Иркутской ГубЧК: «На допросе Сотников подробно изложил свою жизнь, начиная с 1916 года. После месячного заключения в тюрьме, обеспокоенный отсутствием обвинения, 26 марта он написал на имя председателя ГубЧК письмо, в котором заявил, что в боях против Советской власти не участвовал и политической со второй половины 1918 года не занимался, его деятельность носила чисто научный характер. Он считал, что Советская власть может инкриминировать ему в качестве преступления лишь неподчинение решению Енисейского губисполкома о разоружении и реформировании казачьего дивизиона. Поэтому в своё оправдание Сот-

ников писал, что он выполнял волю избравшего его казачества и военного командования. В его деятельности не было преступного умысла против Советской власти, заявил он, а его преследование и осуждение может рассматриваться только как акт мести, недостойный суда победивших Советов. В интересах полезного для страны и любимого им дела, он просил чекистов об освобождении его на поруки или скорейшем определении его судьбы в судебном порядке».

7 мая Сотникову было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, которую он якобы осуществлял, будучи атаманом. В тот же день состоялся допрос, на котором он вёл себя достойно, отстаивая свою правоту. Дело в том, что от заключённых поступил донос (скорее всего, сфабрикован, прим. МХ) о том, что он, якобы предвещал скорый приход японцев, упразднение церкви и ареста Ленина. «Что касается доноса относительно моих слов... заявляю, что это чистейшая ложь... добавляю, что живых (неразборчиво) разговоров как за общим столом, я ни с кем не веду». Собственноручная подпись «А. Сотников», под записями в протоколе допроса.

В его поддержку выступили бывший партизан из с. Монастыршино Иванов Н. А., который засвидетельствовал, что его брат, красногвардеец, находившийся в Красноярской тюрьме в качестве заложника, был спасён Сотниковым, как специалист, ценный для полярной экспедиции. 19 июля родной брат Киприян, заведующий судебно-следственным подотделом отдела юстиции Енисейского губревкома в своём письме пытался убедить чекистов в целесообразности использования его как «редкого специалиста... в новой экспедиции, снаряжаемой Сибгелкомом» в лето 1920 года. Но всё безрезультатно, дело Котельникова было передано в особый отдел 5 Красной Армии, а Сотникова — в коллегию Красноярской ГубЧК.

Руководство Института исследований, обеспокоенное арестом Котельникова, на заседании от 5 апреля приняло постановление: «принять меры путём сношения с властями и с Комитетом Севморпути об освобождении из Иркутской тюрьмы Д. Ф. Котельникова и отправке его в Томск». Не исключаю, что ходатайство сыграло свою положительную роль. И если бы не оно, скорее всего, органы ЧК расправились бы с человеком, который служил Белой гвардии только два года в период правления Колчака и за год до расстрела адмирала был произведён в полковники и награждён орденом Святого Владимира IV степени. А заслуги его перед Отечеством в течение всей жизни были бы забыты: например, как в 1905 году в составе Амурской речной флотилии он закрыл устье Амура от боевых японских кораблей, когда в течение пяти лет проводил научную работу на гидрографических судах у берегов Финляндии. И многое другое.

Такие крупные личности, как профессора Гудков и Сапожников, директор Котельников

Изложение доклада Временному Сибирскому правительству, март 1919 год

и молодая поросль продолжателей — Сотников, Урванцев, невзирая на политический строй, на деле крепили могущество России, следуя пророческому видению Ломоносова о том, что оно «будет прирастать Сибирью и Северным океаном».

Дальше цитирую выдержки из указанного выше постановления по обвинению Котельникова: «Затем переехал в Москву, где был назначен главным инспектором Севморпути. Работая в Москве, вышел с докладом к т. Сталину «О положении инородцев Крайнего Севера». С их тяжёлым положением ознакомился в 1918–19 годы. Доклад был принят и доложен в Совет народных комиссаров».

В дальнейшем его «бросали» на прорыв в Арало-Балхаш, Узбеко-Черноаз, Узбеко-Каспия в Баку, затем до ареста работал в Ленинграде начальником географического отдела. И в конечном итоге, было принято постановление «заключить в к/лагерь сроком на 10 лет с ходатайством «о применении к Котельникову высшей меры социальной защиты». После отбытия наказания (по непроверенным данным) Котельников в возрасте 70 лет преподавал в Мурманском мореходном училище.

Что касается Сотникова, 21 мая замуполномоченного следственно-розыскной части, было составлено заключение, в котором обвинили исследователя ещё и в том, что он был членом тайной организации, борющейся в 1919 году с большевиками в Томске, (хотя город до конца года находился в руках колчаковцев), а Сотников с весны до ноября — в экспедиции Сибгеолкома в районе Дудинки и Омске. Обвинение также утверждало, что Сотников «после такого прошлого никогда не сможет быть полезным, а наоборот очень вредным» и его следует «предать строгой мере наказания». Заслушав заключение, кол-

легия постановила Сотникова расстрелять, а его имущество конфисковать. Даже после приговора продолжали фабриковаться доносы (последний — от 20 июня 1920 г.), якобы от заключённых, работавших в столярной мастерской, о том, что они ведут между собой антисоветские разговоры. Дата его казни остаётся до сих пор неизвестной. Так трагически оборвалась жизнь Александра Сотникова — одного из первых выпускников 1-го Сибирского политехнического училища, Томского технологического института и гидрографа Дирекции маяков и лоций комитета Северного морского пути.

И только 31 марта 1998 года прокуратура Красноярского края, на основании Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитировала А. А. Сотникова, назвав его «первооткрывателем Норильского месторождения». Редкий случай, когда приоритет открытия определяет прокуратура! И — беспрецедентный!

Благодаря редколлегии сборников «Первооткрыватели месторождений» (под редакцией Б. Д. Васильева) Томского политехнического университета, сделавшей научный анализ архивных источников, имя А. А. Сотникова заняло достойное место в ряду первооткрывателей Норильских месторождений окисных медных руд и каменного угля (1915 г.)

А по большому счёту пришла пора восстановить справедливость и в отношении Киприяна Сотникова, плавившего медь ещё в 1865 г, а также его сына Александра, добывшего и поставившего зимою 1893–94 гг. несколько тысяч пудов каменного угля для торговых и экспедиционных судов.

Что касается проведённой Сибгеолкомом плановой экспедиции в 1919 г, под руководством Урванцева с участием Сотникова, то она явилась только основной отправной точкой, положившей начало систематическому исследованию угольных и рудных месторождений в районе Норильска.

Мое видение, середняка геофизика, отработавшего около 15 лет на исследовании скважин в условиях севера Томской области и геологических экспедициях, солидарно с теми неоспоримыми фактами, что первооткрывательство, тем паче в геологии, вообще не бывает единоличным: это совместный кропотливый труд ученых, топографов, геофизиков, горняков, геологов, буровых мастеров...

В данном многолетнем споре о выяснении первооткрывательства двух Норильских месторождений принадлежит династии Сотниковых.

Очерк написан с привлечением материалов, указанных в прологе очерка, трудов Урванцева Н. Н., Сотникова А. А., хранящихся в отделе редких книг НТБ политехнического университета, Госархиве Томской области, исследований Шекшеева А. П., Шнейдера Г. В., Долгова В., Львова А., Субботина Е. П., Ситникова М. Г., Расколыца В. В. и др.